

ОПЫТ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО СЕМИНАРА «ЛАБОРАТОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА»

Екатерина Михайловна Белавина

кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

e-mail: kat-belavina@yandex.ru

Аннотация. Литературный перевод – комплексная трансформация произведения, требующая выявления принципов и средств языковой организации текста оригинала с целью вовлечения адресата в чтение – процесс, при котором текст производит эстетический эффект. Зачастую особенности текста, представляющие наибольшие трудности для перевода, и составляют художественную ценность авторского стиля. Работа с памятником литературы, не переведенным ранее на русский язык, возможна только при усвоении учащимися курса контрастной грамматики обоих языков, а также курса истории литературы соответствующей эпохи. Работа со студентами филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова над сказками М. Деборд-Вальмор, не переведенными ранее, позволила обратить внимание на некоторые особенности организации дискурса этого малоизученного автора. В течение двух семестров методом двойного вычитывания в тандемах с последующей коллективной читкой текстов вслух и редактуры были переведены восемнадцать сказок Марселины Деборд-Вальмор. В данной статье внимание сосредоточено на скрытых цитатах и системе местоимений при обращениях.

Ключевые слова: литературный перевод, методика преподавания литературного перевода, французский язык, французская литература, система местоимений, скрытые цитаты, сопоставительная стилистика, контрастная грамматика.

Одно из самых увлекательных занятий при изучении языков – это чтение оригинальных литературных текстов и их перевод, особенно если произведение ранее не переводилось на русский язык: когда студент становится первооткрывателем, мотивация мгновенно возрастает.

Несомненно, ряд сопутствующих дисциплин, таких как сопоставительная грамматика, стилистика родного и изучаемого языка, история литературы соответствующего периода, должны быть уже освоены или изучаться параллельно. Именно тогда практический семинар пора «выпустить на целину», чтобы у учащегося была и ответственность, и радость, и волнение: каким представит он нового автора читателю?

Выбор сказок Марселины Деборд-Вальмор (1786–1859), известной писательницы французского романтизма, не только помогает раскрыть новые стороны творчества этого автора, полнее узнать литературу первой трети XIX в., но и позволяет работать с разнородными группами, вовлекать студентов, начинающих изучать французский язык.

Сказки предназначались для детей Марселины (Ондины, Инес и Ипполита), некоторые из них невелики по объему: можно успеть обсудить их целиком и рассмотреть сопряженные с текстом лингвистические проблемы.

Говорить об особенностях дискурса Марселины Деборд-Вальмор невозможно в отрыве от фактов ее биографии. Писательница вос-

питывала своих детей сама, стремясь привить им христианские ценности, сочиняла для них стихи и рассказывала истории, называла их “Contes”. К жанру волшебной сказки эти произведения можно отнести весьма условно, в них почти нет места волшебству, магии, мистике. Кажется, именно с этой особенностью Бальзак вступает в полемику в философском этюде «Иисус Христос во Фландрии», который посвящен фламандке Марселине Деборд, уроженке города Дуэ. От зримых, детально точных описаний Бальзака мостик в мистическое и фантастическое перекидывается в одно мгновение, грань между реалистичной действительностью и той, где Иисус идет по воде, спасая праведников, преодолевается легко. У Марселины единственные чудеса – это изменения, которые происходят с человеческой душой, душой ребенка. Она пишет о том, что стремится развить в своих детях: ее чудеса – это доброта, благородство, чуткость.

Сказки Марселины изначально звучали устно, они хранят в себе черты спонтанного речепорождения. С другой стороны, в эту неподготовленную речь вплетаются цитаты из литературных произведений, которые писательница знала наизусть. Вплетаются так естественно и незаметно, что становятся одной из самых трудоемких переводческих задач.

Так, например, в сказке «Пожар» (“Incendie”) мы внезапно сталкиваемся со скрытой цитатой Расина:

“Mon imagination, ralentie par l’influence de ce fleuve paisible, planait, comme l’oiseau des nuits, sur les collines vastes qui le surmontent et l’abritent dans toute sa longueur. Déjà *je ne voyais plus qu’à* peine la chapelle aigue de Fourvière, les maisons gothiques et noires entassées au pieds des rochers, qui y semblent incrustées, et dont les murailles épaisses, sales et hardies gênent la respiration du passant qui les regarde à la lueur des lumières qui se réfléchissent dans les flots. *Je n’apercevais plus qu’à travers un nuage* l’Homme de la Roche et le vêtement bizarre dont il est affublé, tenant, depuis les anciens jours, sa grande lance dans sa main de bois, et son casque de fer sur sa tête chevelue, ce qui n’empêche pas les jeunes filles de lui jeter un regard doux et reconnaissant, car ce bon chevalier, en terminant sa carrière aventureuse, a fondé pour toutes les beautés sages et pauvres une dot annuelle, qui leur permet d’avoir un cœur et de le donner en foi de mariage” [Марселина: 84].

Повтор, столь характерный для жанра сказки, здесь не совсем традиционен: предвосхищая время, он показывает, как рождается высказывание, как фраза бродит в памяти, постепенно «наводятся на резкость» слова: “Déjà *je ne voyais plus qu’à* reine *Je n’apercevais plus qu’à travers un nuage*”, как постепенно всплывает в памяти цитата из расиновской «Федры» (акт V, сцена VII):

Déjà je ne vois plus qu’à travers un nuage
Et le Ciel, et l’Époux que ma présence outrage

Et la Mort à mes yeux dérochant la clarté
Rend au jour, qu’ils souillaient, toute sa pureté.

[Racine: 54]

Не к этой ли фиксации потока сознания будет стремиться поэтическая проза XX в.? Как это передать?

Заглянем в прекрасный перевод Натальи Шаховской:

Уже сквозь пелену, и с каждым мигом хуже,
Я вижу небеса и гнев во взгляде мужа,
И смерть, затмивши свет во взоре у меня,
Былую чистоту дарует свету дня.

[Расин 2016: 289]

Именно в нужной строчке в рифменной, сильной позиции оказалось обстоятельство *хуже*, которое уводит нас от семантики «размытости», ради которой приведена цитата. Приходится продолжить поиски:

Уж небо и супруг, что так поруган мною,
От глаз туманною закрыты пеленою, –
То смерть торопится во мрак увлечь меня,
Дабы не осквернял мой взор сиянья дня...

(пер. с фр. М. Донского)

[Расин 1977]

Вопрос о переводе «инкрустированных» цитат каждый раз должен решаться и семантически, и ритмически поиском

вариантов в существующих переводах литературных памятников:

«Я едва различала уже островерхую фурвьерскую базилику, черные готические дома, сгрудившиеся у подножий скал, которые, кажется, инкрустированы ими, от взгляда на их толстые, грязные, неприступные стены у прохожего захватывает дух, если смотреть на них в отблеске огней, отражающихся и дрожащих в волнах. Уже от глаз туманною закрыты пеленою и *“Человек скалы”*, и его странное одеяние, и большое копье, которое он с древних времен держит в своей деревянной руке, и железный шлем на его косматой голове, который не мешает девушкам бросать на него нежные и благодарные взгляды, поскольку этот добрый рыцарь, завершив свою полную приключений службу, оставил всем молодым незамужним и бедным красавицам приданое, позволяющее им слушать свое сердце и вступать в брак по любви»¹.

Предвосхищая мнемотехники, используемые современными авторами сценариев мультфильмов, способствующих раннему развитию, Марселина Деборд-Вальмор делится цитатой из произведения, которое точно незнакомо ее слушателю, заведомо ему «на вырост», чтобы потом, при знакомстве с произведением, в памяти отдалось

эхо узнавания, якорь, заложенный в детстве материнским голосом.

Сказки Деборд-Вальмор – уроки вещей, рассказ о повседневной жизни, о том, как устроен мир, окружающий ребенка. Речь идет об одних из первых авторских поучительных сказок для детей, следует так и рассматривать их – как этап становления жанра. Писательница показывает нам картину нравов конца 1820-х гг. на фоне улиц, изменившихся до неузнаваемости или исчезнувших с карты Парижа бесследно.

Один из оживленно обсуждавшихся на семинаре вопросов касался перевода местоимений при обращении членов семьи друг к другу и при обращении в молитве к Богу.

В православной традиции принято обращение в молитвах на «ты», в католической в большинстве – на “vous” (вы) (ср.: «Богородице, Дево, радуйся» / “Je Vous Salue Marie”). Для многих учащихся это стало открытием. Мнения внезапно разделились – в соответствии с двумя главными тенденциями перевода: одним обращение на «вы» в молитве казалось шокирующим, меняющим речевую ситуацию, неправильно ориентирующим читателя. Другие настаивали на сохранении инаковости текста, стремились донести различие в традиции до читателя, не знакомого с оригинальным текстом. Вероятно, этот

¹ Перевод выполнен в рамках семинара «Лаборатория художественного слова» (Филологический факультет МГУ им. Ломоносова, 2017–2018, готовится к печати).

спор, уходящий корнями в историю, в современной ситуации можно разрешить, только допустив множественность переводов, ориентированных на разную ситуацию чтения. Здесь мы приведем вариант, максимально сохраняющий непривычное в тексте, как непривычно в молитве просить не для себя, а произносить пожелание Господу, как предлагает сделать Деборд-Вальмор:

«Доброго вечера, Господь мой. Ниспошлите мир и сон на наш дом. Как сладко спать, как ласточки в гнездах!».

В приложении к данной статье можно проследить по текстам употребление личных местоимений в разговоре сестры с братом. Все переходы *ты* и *вы* кажутся нам значимыми: вероятно, норма обращения колебалась. Этот момент тоже хочется зафиксировать в переводе.

Работа переводческого семинара позволяет поставить вопросы, связанные с переводческой нормой, побуждает учащихся к чтению трудов о теории и практике перевода. Сверхзадача семинара, таким образом, – научить самосовершенствованию и бережному отношению к художественному слову.

ПРИЛОЖЕНИЕ¹

La lumière

Un soir, on vit un homme marchant droit dans l'obscurité, au milieu d'une place. Il portait sur sa tête une lumière solidement fixée à son chapeau. Plusieurs se mirent à rire en passant près de lui; car ils s'aperçurent qu'il était aveugle.

– La lumière est-elle faite pour les aveugles? demandèrent-ils en se moquant.

– Ce n'est pas pour moi que je l'ai plantée ainsi sur ma tête, répliqua tranquillement l'aveugle: c'est pour vous, que je ne vois pas, et qui me voyez mieux au moyen de cette lumière. Vous pouvez éviter ainsi le choc de ma rencontre, en passant à deux pas près de moi, qui me jetterais sur vous et qui vous blesserais peut-être. J'imité la Providence, qui place toujours un indice aux dangers qu'elle sème devant l'homme. Moi, je suis le danger: cette lueur en est le phare.

Ils s'éloignèrent tous en disant: Cet homme est sage.

Ne vous moquez jamais d'une chose avant de l'avoir comprise.

Свет

Однажды вечером в городе, когда стемнело, видно было, как идет прямо по середине площади человек, а на голове у него – светильник, прочно прикрепленный к шляпе.

Несколько прохожих, поравнявшись с ним, рассмеялись; они заметили, что тот человек слеп.

– Разве свет для слепых? – спросили они с издевкой.

– Не ради собственного удобства водрузил я светильник себе на голову, – спокойно ответил слепой: он для вас, я вас не вижу, а вы меня так скорее заметите, благодаря свету. Вы можете избежать столкновения, пройти от меня в двух шагах. Кто знает, может быть, я бросился бы на вас и вдруг вас бы поранил. Я поступаю подобно Провидению, оно всегда размещает предупреждения подле опасностей, которые сеет на пути человека. Я есть опасность: этот свет – маяк.

И те люди отошли прочь, говоря:

Этот человек – мудрец.

Никогда не смейтесь над чем-то, чего пока не поняли.

¹ В Приложении представлены переводы сказок М. Деборд-Вальмор, сделанные участниками семинара (см.: [Марселина]).

L'incendie

J'avais entendu sonner minuit pour la première fois à Lyon; fatiguée d'un voyage rapide, et plus encore d'avoir parcouru cette cité bruyante, d'un aspect si nouveau pour moi, je me sentais entraînée au sommeil, et comme bercée au milieu des tableaux qui m'avaient frappée dans le jour. Je voyais le Rhône se répandre et fuir sous les ponts jetés hardiment sur lui; je voyais les maisons d'une hauteur prodigieuse qui s'élèvent sur ses bords et le dominant avec tant de majesté; je voyais les nombreuses fabriques semées à l'autre rive, qui font prévoir une ville nouvelle, prête à saluer celle qui lui donne naissance; immobile, j'étais, les yeux demi-fermés, sur les bords vivants de la Saône, cette Saône lente, dont les eaux sont jaunies par un sable qui recèle l'or, et qui restitue, chaque siècle, quelques vestiges de l'antiquité cachés dans son vaste sein. Mon imagination, ralentie par l'influence de ce fleuve paisible, planait, comme l'oiseau des nuits, sur les collines vastes qui le surmontent et l'abritent dans toute sa longueur. Déjà je ne voyais plus qu'à peine la chapelle aiguë de Fourvière, les maisons gothiques et noires entassées au pied des rochers, qui y semblent incrustées, et dont les murailles épaisses, sales et hardies gênent la

Пожар

Я впервые слышала, как в Лионе бьет полночь; уставшая за день от быстрой езды и еще больше от этого шумного города, от видов, столь новых для меня, я чувствовала, как меня клонит в сон, и ощущала себя будто убаюканной картинами, поразившими меня днем. Я видела, как Рона широко разлилась и бежит под дерзко перекинутыми через нее мостами; видела дома необычайной высоты, стоящие по ее берегам и возвышающиеся над ней с таким величием; видела многочисленные фабрики¹, усеявшие противоположный берег, через которые будто видится будущий новый город, готовый поприветствовать старый, который дал ему жизнь; полу-прикрыв веки, не двигаясь, я все бродила по живым берегам Соны², той медленной Соны, воды которой желтоваты от песка, таившего в себе золото, и которая каждое столетие выносит на поверхность какие-нибудь следы древности, скрытые в ее обширных недрах. Мое воображение, замедлившееся течением этой тихой реки, парило, как ночная птица, над огромными холмами, которые высятся над ней и защищают ее на всем протяжении. Я едва различала уже острроверхую фурвьер-

¹ М. Бертран обращает внимание, что на момент написания такая урбанистическая картина не отражала действительности: писательница будто предвидела развитие лионской агломерации в восточном направлении [Bertrand: 301].

² Соны – приток р. Роны.

respiration du passant qui les regarde à la lueur des lumières qui se réfléchissent et tremblent dans les flots. Je n'apercevais plus qu'à travers un nuage l'Homme de la Roche, et le vêtement bizarre dont il est affublé, tenant, depuis les anciens jours, sa grande lance dans sa main de bois, et son casque de fer sur sa tête chevelue, ce qui n'empêche pas les jeunes filles de lui jeter un regard doux et reconnaissant; car ce bon chevalier, en terminant sa carrière aventureuse, a fondé pour toutes les beautés sages et pauvres une dot annuelle, qui leur permet d'avoir un cœur et de le donner en foi de mariage. Bientôt tout se confondit dans ma mémoire, et j'étais enfin profondément endormie, lorsque je fus comme arrachée au repos par un cri. Je l'entends encore. C'était pourtant la voix d'un seul homme; mais quelle voix! quelle terreur prompte elle jeta dans mes esprits troublés! Je m'assis vivement sur mon lit, et d'un cœur battant, d'une oreille attentive, j'écoute ce cri qui durait toujours, quoiqu'il s'éloignât de la place où il avait retenti. Une autre

скую базилику¹, черные готические² дома, сгрудившиеся у подножий скал, которые, кажется, инкрустированы ими, от взгляда на их толстые, грязные, неприступные стены у прохожего захватывает дух, если смотреть на них в отблеске огней, отражающихся и дрожащих в волнах. Уже от глаз туманную закрыты пеленою³ и «Человек скалы⁴», и его странное одеяние, и большое копье, которое он с древних времен держит в своей деревянной руке, и железный шлем на его косматой голове, который не мешает девушкам бросать на него нежные и благодарные взгляды, поскольку этот добрый рыцарь, завершив свою полную приключений службу, оставил всем молодым незамужним и бедным красавицам приданое, позволяющее им слушать свое сердце и вступать в брак по любви. Вскоре все смешалось в моей памяти, и я уснула глубоким сном, но отдых мой был прерван криком. Я, как сейчас, слышу его. Это был голос всего лишь одного человека; но что это был

¹ Холм Фурвьер возвышается над западной частью центра современного Лиона. Речь идет не о живописной базилике Нотр-Дам-де-Фурвьер, построенной позднее в XIX в., а о капелле романского стиля, находившейся прежде на самой вершине холме.

² Речь идет о квартале Старый Лион, готический употреблено вольно, в значении 'старинный', речь идет о зданиях эпохи Ренессанса, а также XVII–XVIII вв.

³ В текстах встречаются скрытые цитаты из ролей, которые Деборд-Вальмор, писательница и актриса, знала наизусть. В данном случае речь идет о Федре (действие 5, явление 7; пер. с фр. М.А Донского [Расин 1977]).

⁴ Речь идет не о современной статуе «Человек скалы» из камня, а о прежней, из крашеного дерева. Лионское предание гласит, что Человек скалы, Жан Клеберже, Добрый Немец (1486–1546), родившийся в Нюрнберге, живший в Женеве, затем в Берне, после военной карьеры перебрался в Лион, где держал банк, тратил крупные суммы на благотворительность, в частности, помогал бедным молодым девушкам.

voix aussi terrible lui succède; je mêlance, j'ouvre ma fenêtre, et cette fois j'entends distinctement et longtemps: Au feu! au feu!... C'était la voix de l'incendie; je crus brûler. Mes yeux mesurèrent avec épouvante la hauteur du quatrième étage où j'étais enfermée, et mon pouls s'arrêta. Toutes les croisées s'ouvrirent en même temps. J'aperçus des hommes et des femmes comme des ombres curieuses se pencher et s'écrier à la fois: De quel côté?... dans quelle maison?... Et l'homme courant avec un large fanal en main, répondit comme avec un porte-voix: Le feu est à Bellecour, au no 40. Et reprenant haleine, il s'enfuit pour jeter avec plus de force devant lui ce mot fatal qui paraissait éclairer l'obscurité des rues. Au même moment toutes les cloches s'ébranlent et lui répondent; elles frappent l'air de sons précipités et funèbres, elles portent partout cette effrayante nouvelle, elles demandent du secours, et semblent aussi crier au nom du peuple: Au feu! Les portes de l'hôtel de ville s'ouvrent avec fracas. Les torches allumées voltigent avec des pompes qui paraissent avoir des i ailes comme les hommes qui les font rouler. Toute la population est debout et se précipite où la flamme montre sa rougeur menaçante. J'étais clouée à ce spectacle par la terreur et par l'admiration d'un mouvement si rapide et si peu confus; et quoique ma langue fût desséchée, je me surpris criant vers la place Bellecour avec une sorte de délire: Voilà, voilà du secours! En cet instant j'entendis frapper vivement à ma porte: c'était une jeune femme, qui me disait d'un accent effrayé: Madame! ah

за голос! какой ужас он мгновенно вселил в мою встревоженную душу! я тотчас сажусь на постели, с сильно бьющимся сердцем прислушиваюсь, этот крик все еще звучит, но удаляется. Вслед за ним слышится другой голос, столь же страшный; я вскакиваю, открываю окно и на этот раз слышу четко: «*Пожар! Пожар!..*» То был голос пожара; мне показалось, что горю я. Я с ужасом измерила взглядом высоту пятого этажа, где я была заперта, и у меня перехватило дыхание.

Все ставни одновременно распахнулись. Я заметила, как мужчины и женщины, будто причудливые призраки, выглядывают из окон и все разом кричат: «*С какой стороны?.. в каком доме?..*» И мужчина, бегущий с большим фонарем в руке, ответил, как в рупор, приложив ладонь ко рту: «*Пожар на Белькур, в доме № 40*». И, переведя дух, он побежал дальше, бросая как можно громче перед собою это роковое слово, от звука которого, казалось, свет зажегся на темных улицах. В то же мгновение в ответ ему вздрагивают все колокола, они потрясают воздух скорым и скорбным звоном, разносят повсюду эту пугающую весть, просят о помощи и кажется, что и они кричат от имени всех жителей: «*Пожар!*». Двери ратуши с шумом распахнулись. Зажженные факелы порхают вместе с насосами, у которых, казалось, выросли крылья, как и у людей, которые приводят их в движение; все уже на ногах, все спешат туда, где пламя показывает свой угрожаю-

madame! où disent-ils qu'est le feu? Mon Dieu! madame! ouvrez-moi! Le tremblement de cette voix douce me donna la hardiesse d'ouvrir, et je vis entrer une jeune femme, pâle et charmante; car toutes les fenêtres ouvertes donnaient un air d'illumination à cette scène d'effroi et éclairaient toutes les figures.

– Voyez-vous, répéta la jeune femme, savez-vous de quel côté?

– A Bellecour, répondis-je vivement.

– Oh! merci, reprit-elle; ma mère en est bien loin, et mon mari sera du moins tranquille à cause de moi, car il y est déjà. – La frayeur avait décoloré ses lèvres. Je jetai mon schall sur ses épaules nues, et je l'entraînai à la fenêtre, d'où j'observai le même mouvement, cet ordre empressé, ce calme actif qui rassure, qui contente les battements impatients du cœur. On sentait Dieu dirigeant des hommes. Les pompes se succédaient avec une si incroyable vélocité, qu'en une demi-heure ces flammes épaisses, ces tourbillons qui s'élançaient dans les ténèbres, y rentrèrent étouffés par l'eau qui les surmontait. Il semblait que les deux fleuves réunis se soulevassent pour inonder ce fléau brûlant. Des nuages noirs attestèrent que la fumée se roulait seule au-dessus de la maison sauvée. L'incendie expire; et les hommes, haletants, couverts de sueur, ramenèrent en triomphe les pompes libératrices dans l'enceinte où la prudence des magistrats les renferme, et où elles deviennent chaque mois des objets de la surveillance la plus minutieuse, la plus nécessaire à la sécurité de tant de familles

щий багрянец. Я была прикована к этому зрелищу страхом и восхищением от такого быстрого и дружного порыва; и, хотя во рту у меня пересохло, я заметила, что с каким-то исступлением кричу в сторону площади Белькур: *«Помощь идет! Помощь идет!»*. В это мгновение я услышала, что в мою дверь громко стучат: это была молодая женщина, сказавшая мне испуганным голосом: *«Мадам! ах, мадам! где, они говорят, пожар? Боже мой! мадам! откройте мне!»* Слыша, как дрожит этот нежный голос, я решила открыть дверь, впустила молодую женщину, бледную, но прелестную; через открытые окна было видно зарево, отсветы падали на наши лица. *«Вы знаете?»* – повторила молодая женщина, – *«Где? С какой стороны?»* – *«На Белькур»*, – мгновенно отозвалась я. – *«О! спасибо, – отвечала она. – Матушка очень далеко, а мой муж будет, по крайней мере, спокоен за меня, он уже там»*. От страха ее губы стали бесцветными. Я набросила свою шаль на ее обнаженные плечи и подвела к окну, откуда видно было все то же единое движение, то слаженное усердие и собранность, то деятельное спокойствие, которое вселяет уверенность, сдерживает нетерпеливое биение сердца. Чувствовалось, что людьми управляет Бог. Насосы следовали друг за другом с такой невероятной скоростью, что за полчаса то буйное пламя, те густые клубы дыма, которые рвались ввысь, в темноту, в нее же и обратились, потушенные водой, одолев-

pressées les unes sur les autres. Enfin, les portes de l'hôtel de ville sont closes. Les hommes armés se retirent en silence. Le peuple se disperse et va réparer ses forces pour les travaux du lendemain. Bientôt toute la cité tranquille est replongée dans un profond sommeil.

Est-ce un miracle? dis-je à la jeune femme. – Non, répondit-elle, en souriant, ils s'aident entre eux comme un essaim d'abeilles courageuses. Tous ces hommes sont unis par le même lien. Le danger d'un seul frappe au cœur de tous; le moindre cri d'alarme les éveille et les rallie à la fois pour sauver leur frère qui, demain aussi, volera à leur secours.

шей их. Казалось, что обе наши реки соединились в одну и поднялись, чтобы затопить собой эту огненную стихию. Черные облака явно показывали, что над спасенным домом плыл только дым. Пожар затих; и люди, запыхавшиеся, в поту, торжествуя, отнесли спасительные насосы туда, где их аккуратно запирают служащие городского магистрата и где каждый месяц они подвергаются осмотру, самому тщательному, ведь они так необходимы для безопасности стольких семей, чьи дома жмутся друг к другу.

И вот двери городской ратуши закрыты. Мужчины уносят противопожарное снаряжение. Народ расходится, чтобы восстановить силы для завтрашних трудов. Вскоре весь спокойный город вновь погружен в глубокий сон.

«Это чудо?» – спросила я у молодой женщины. – «Нет, – улыбаясь, ответила она, – они помогают друг другу, как рой смелых пчел. Все эти люди связаны меж собой. Когда один в опасности, душа болит у всех; малейший тревожный крик будит и мгновенно собирает всех вместе, чтобы спасти брата, который завтра тоже прилетит к ним на помощь».

Simple prière

– Venez dire votre prière, mon amour. Ne jouez pas avec vos mains jointes. Ne cherchez pas à vous enfuir, ni à sortir de mes genoux; car vous êtes devant Dieu quand vous priez avec moi. Allons: il vous écoute.

“Mon Dieu! étendez votre main sur ma mère, afin qu'elle me conduise où vous voulez que j'aille”.

“Je n'aurai jamais peur le soir dans le corridor, sans lumière, parce que je sais bien que vous y êtes avec moi; quand je tomberai, je ne crierai pas, car, sauvé ou blessé, c'est toujours dans vos bras que l'on tombe. Merci, mon Dieu, d'être partout où je serai! cette pensée me donnera du courage, et je n'aurai d'autre crainte que celle de vous déplaire”.

“Après avoir prié, je lèverai ma tête vers vous pour recevoir, dans les rayons du jour, les baisers que vous envoyez à vos enfants”.

“Bonsoir, mon Dieu! faites descendre la paix et le sommeil sur notre maison. C'est si doux de dormir comme les hirondelles dans leurs nids!”.

Labeille change tout en miel.

Простая молитва

– Любимые мои, идите читать молитву. Сложите ладони, они сейчас не для игры.

Не пытайтесь ни убежать, ни слезть с моих коленей; ибо вы находитесь перед Богом, когда молитесь вместе со мной.

Начнем: он вас слушает.

«Господь мой! Благословите маму, чтобы она привела меня туда, куда Вы повелите мне идти».

«Я никогда не буду бояться ходить вечером по темному коридору без света, потому что я знаю, что Вы со мной; если я упаду, я не закричу, ибо, невредимые или пострадавшие, мы всегда падаем в Ваши объятия. Спасибо, Господи, за то, что Вы – повсюду, где я буду. Эта мысль придаст мне мужества, у меня не будет иного страха, кроме боязни разочаровать Вас».

«После молитвы я подниму очи к небесам, чтобы принять в лучах солнца поцелуи, которые Вы посылаете своим детям».

«Доброго вечера, Господь мой. Ниспошлите мир и сон на наш дом. Как сладко спать, как ласточки в гнездах!»

Пчела все превращает в мед.

Лoiseau sans ailes

– Que tenez-vous là, Georges? dit Marie à son frère qui accourait vers elle.

– Prenez-le, Marie; car c'est un pauvre oiseau presque mort de froid.

– Où l'avez-vous trouvé, Georges?

– Engourdi sur la neige, Marie.

– Pauvre oiseau! dit-elle; quelque méchant garçon t'aura coupé les ailes, et tu seras tombé du toit, sans pouvoir voler. Mais je te ferai un nid; j'y mettrai de la laine chaude pour t'y coucher, et tu auras ta nourriture de ma main, jusqu'à ce que tes ailes soient repoussées. Ainsi, ne crie pas, pauvre oiseau; cela me fait mal dans le cœur de t'entendre gémir. Elle nourrit ainsi le jeune oiseau jusqu'à ce qu'il pût sautiller et voler. Georges le regardait avec joie, tout guéri et si familier qu'il s'élançait de sa cage, quand on lui disait seulement: Petit! petit! Georges fut si content, qu'il embrassa Marie en lui disant:

– Tu es bonne! Par un jour de soleil et tout près du printemps, Marie regardait le ciel à travers la fenêtre; elle dit en elle-même:

– C'est pourtant là le vrai séjour des oiseaux; le nôtre a des ailes à cette heure; quelle serait sa félicité de remonter vers ces beaux nuages d'or, et dans ce fond d'azur, sa splendide maison, sa première maison! – Petit! petit! cria-t-elle courageusement; et l'oiseau vola sur son épaule.

– Adieu! poursuivit Marie en versant une larme qui tomba sur l'aile de l'oiseau, et en ouvrant précipitamment la fenêtre. Je t'aime mieux, dit-elle, pour toi-même que pour moi. Je t'ai rendu

Птица без крыльев

– Что это у вас там, Жорж? – спросила Мари подбежавшего брата.

– Возьмите, Мари; это бедная птичка, она замерзла почти до смерти.

– Где вы нашли ее, Жорж?

– В снегу, Мари, совсем заоченевшей.

– Несчастливая! – сказала она, – Какой-то злой мальчишка, наверное, подрезал тебе крылья, и ты упала с крыши, не смогла взлететь. Но ничего, я сделаю тебе гнездышко, постелю теплой шерсти, чтобы тебе мягко было спать, буду кормить с рук, пока ты не поправишься. Не плачь, бедняжка, мне больно слышать, как ты стонешь!

И вот Мари стала заботиться о птенце, до тех пор, пока тот снова не стал прыгать и летать. Жорж радостно смотрел на птичку, она совершенно выздоровела и так привыкла к детям, что стоило позвать: «Малышка! Малышка!», как она вспархивала к ним из клетки. Жорж был счастлив, он обнял Мари со словами:

– Какая ты добрая!

Однажды в солнечный, почти весенний день Мари посмотрела в окно на небо и подумала: «А ведь именно там настоящая родина птиц. Наша питомица снова может летать; какое блаженство она испытает, снова поднявшись к прекрасным золотым облакам, очутившись в этой лазурной глубине, в ее сияющем доме, ее первом доме!»

– Малышка! Малышка! – крикнула она ре-

des ailes, ce serait affreux de les énerver dans une cage. L'oiseau, ébloui d'abord, et un peu chancelant au grand air, fixa bientôt hardiment cette vivifiante lumière du ciel; il étendit trois fois ses ailes palpitantes, et disparut enfin dans l'espace inondé de soleil. Marie revint seule près de la cage vide, où elle appuya son cœur, et prenant dans ses deux petits bras cette cage, triste comme la chambre d'un ami perdu, elle dit tout bas:

– C'est lâche à moi de pleurer, car j'ai bien fait! Tout à coup, Georges entra en sautant.

– Bonjour, Marie; où est le petit? Petit! petit! cria-t-il ne le voyant pas comme à l'ordinaire dans sa cage égayée de fleurs et de feuilles vertes qu'il venait de renouveler.

– Vois qu'il fait beau! répondit Marie en le conduisant à la fenêtre. Réjouis-toi, Georges. Notre ami est plus près que nous du ciel! Le ciel est à lui, vois-tu? et je le lui ai rendu tout à l'heure. Regarde mes yeux... je ne pleure plus. Georges cacha sa tête sur la fenêtre, et demeura pétrifié de douleur.

– Ah! Marie! dit-il enfin, rouge de reproche et de passion, tu m'as pris mon ami! Tu ne m'aimes pas, tu n'aimes pas l'oiseau non plus, puisque tu l'as ainsi délivré!

– Délivré! tu sens toi-même que c'est une délivrance. Tais-toi donc, mon frère, et pense qu'il n'était à nous que pour le guérir, le recevoir en passant, comme un pèlerin blessé. Il chante peut-être nos deux noms à la porte du ciel! Tais-toi donc! dit-elle, en embrassant Georges, qui

шительно, и птичка вспорхнула ей на плечо.

– Прощай! – продолжила Мари, и слезинка скатилась на птичье крыло. Она распахнула окно. – Я люблю тебя и хочу тебе счастья больше, чем для себя. Я вернула тебе крылья; было бы ужасно оставить тебя томиться в клетке.

Птичка, сперва ослепленная ярким светом, сделала несколько неверных шагов, но вскоре смело посмотрела в вышину, на этот живительный свет неба. Она три раза расправила свои трепещущие крылья и наконец исчезла в пространстве, залитом солнцем.

Мари вернулась к пустой клетке, где она оставила свое сердце, и обняла обеими руками клетку, грустную, как комната пропавшего друга, и совсем тихо сказала: «Я не должна плакать, ведь я правильно поступила!»

Вдруг вприпрыжку вбежал Жорж.

– Привет, Мари, где же Малышка? Малышка! Малышка! – закричал он, не увидев ее, как обычно, в клетке, украшенной цветами и листьями, которые он недавно принес.

– Посмотри, какая хорошая погода! – ответила Мари, ведя его к окну, – Возрадуйся, Жорж. Наша подруга еще ближе к небу, чем мы! Небо принадлежит ей, ты видишь? Я выпустила ее недавно. Посмотри в мои глаза... я больше не плачу.

Жорж прижался головой к стеклу, словно окаменев от горя.

– Ах, Мари! – проговорил он наконец, красный от упрека и возмущения, – Ты от-

l'embrassa lui-même, car il sentait que le cœur de Marie était gros et battait contre le sien.

– Oui! dit-il en la regardant les yeux mouillés, mais pleins de courage, tu as bien fait.

Vers le soir, comme ils rêvaient tous deux en regardant du coin de l'œil la cage silencieuse, ils entendirent: Tac! tac! tac! contre la vitre. O joie! c'était l'oiseau qui battait des ailes pour rentrer... On ne le fit pas attendre, vous le devinez bien! Georges, en poussant un cri de bonheur, courut vers la fenêtre; Marie, qui était la plus grande, l'ouvrit en jetant vers le soleil couchant un regard heureux, tandis que Georges couvrait l'oiseau fidèle des chauds baisers de sa reconnaissante tendresse; et leur libre ami, tous les jours de sa douce vie d'oiseau, se partagea dès lors entre le ciel et sa cage ouverte!

L'homme s'élève de la terre au ciel, à la faveur de deux ailes, qui sont la simplicité et la pureté.

няла у меня друга! Ты не любишь меня, ты больше не любишь птичку, ведь ты ее освободила!

– *Освободила!* Ты сам чувствуешь, что это свобода. Ну, замолчи, братик, и подумай, мы только вылечили ее, как встреченного в пути раненого паломника. Может быть, она сейчас поет два наших имени у райских врат! Замолчи же! – сказала она, обнимая Жоржа, который тоже обнял ее, потому что чувствовал, что у Мари тяжело на сердце и что оно бьется так же, как и его собственное.

– Да! – сказал он, глядя на сестру влажными, но полными мужества глазами, – Ты поступила правильно.

К вечеру, когда они оба мечтали, поглядывая на безмолвную клетку, они услышали за окном: «Тук! Тук! Тук!» О радость! Это была птичка, которая била крыльями, чтобы ее впустили... Ее не заставили ждать, вы догадываетесь! Жорж с криком восторга подбежал к окну; Мари, которая была старше, открыла окно, радостно взглянув на заходящее солнце, а Жорж покрывал верную птичку горячими поцелуями, нежно благодаря; с тех пор их вольная подруга каждый день своей тихой жизни делила между небом и открытой клеткой!

Человек поднимается с земли к небу при помощи двух крыльев, называемых простотой и чистотой.

L'Aumône

Il avait plu tout le jour, c'était l'été, c'était dimanche. Le balcon était mouillé, la rue humide, et la promenade interdite aux enfants. Tout à coup Hyacinthe, la sœur de Prosper, qui regardait à travers les carreaux d'une large fenêtre, vit se découper, au fond d'un nuage blanc, le premier cercle d'or d'une lune nouvelle.

– Oh! vois maman, que la lune est fine! dit-elle. On dirait un éclair immobile!

– On pourrait sortir à présent, repartit son frère, car la rue est balayée comme le ciel.

– Il est trop tard, dit leur mère.

– Quoi! maman, pas même jusqu'au pâtissier?

– En effet, répondit-elle en souriant, il est là en face, comme pour vous tendre les bras. Tiens, Prosper, va lui offrir cette jolie pièce blanche, nous verrons ce qu'elle te vaudra.

– Une brioche! maman, grosse comme ma tête; tu vas voir! Il franchit en trois bonds l'escalier, et sa sœur le suivit, joyeuse et timide, jusqu'à la porte, où elle attendit comme on attend son frère... et une brioche. Prosper revint, mais les mains vides; tandis qu'Hyacinthe et lui chuchotaient au pied de l'escalier, n'osant plus remonter sans leur souper friand, la mère se penchait sur la rampe, prête à serrer son fils dans ses bras; car voici ce qu'elle avait vu de

Милостыня

Целый день шел дождь, это было летнее воскресенье. Балкон был весь мокрый, на улице было сыро, и гулять детям не разрешалось.

Вдруг Гиацинта, сестра Проспера, глядя сквозь квадратные стекла больших окон, увидела, как из самой глубины белого облака в первый раз прорезался золотистый ободок молодого месяца.

– О, мама, смотри, какая луна тоненькая! – сказала она, – как будто молния застыла!

– Мы могли бы сейчас выйти на улицу, – подхватил ее брат, – там тоже, как и в небе, стало чисто.

– Уже слишком поздно, – ответила мать.

– Ну как! Мам, что, даже до кондитера нельзя?

– А ведь и вправду, – ответила она с улыбкой, – вон он там, через дорогу, как будто ждет вас. Слушай, Проспер, ступай-ка да отдай ему эту славную серебряную монетку, посмотрим, что за нее можно получить.

– Булку! Маменька, большую, как моя голова, вот увидишь!

В три прыжка он сбежал вниз по лестнице, а сестра робко и в то же время радостно проводила его до самой двери, где она осталась ждать так, как всегда ждут братьев... и булочку.

Проспер вернулся, но в руках у него ничего не было; и пока они с Гиацинтой шептались под лестницей, не решаясь вернуться

la grande fenêtre du balcon: Un pauvre barrait la porte du pâtissier. Il était vieux, et il était aveugle... Pitié! toutes les brioches disparurent de la terre aux yeux de l'enfant charitable. Il s'arrêta devant lui, en tournant le dos au riant pâtissier, et, voyant que le pauvre n'avait plus d'yeux pour comprendre les siens, il lui glissa doucement sa petite pièce dans la main et lui dit:

– Prends garde, monsieur le pauvre! cette pièce vaut une brioche de quinze sous! Le pauvre aveugle tressaillit de joie. La mère de Prosper sentit ses yeux se mouiller. Mais, à la réflexion, elle ne parut pas se douter de l'embarras des enfants et ne parla plus de la brioche. Ils se couchèrent bien soulagés tous deux, s'étant contentés, pour leur souper, dans l'ombre, d'un morceau de pain, toujours de bon goût quand il est assaisonné par une bonne action. Le lendemain, un beau soleil revint consoler le balcon et toute la ville, comme pour une fête. Le déjeuner s'apprête, on entoure la table; tout devait être bon, on avait faim. Mais, ô redoublement de surprise et d'appétit! deux énormes brioches apparaissent comme si elles perçaient le ciel, et qu'elles fussent arrivées toutes chaudes sous une aile d'ange. C'était un très beau spectacle!

– Oh! d'où viennent-elles? d'où viennent-elles, maman?

– C'est le bon pauvre qui te les envoie, mon fils, dit la mère en souriant. Tu ne

домой без своего вечернего лакомства, их мать, перегнувшись через перила, была готова расцеловать сына, потому как вот что она увидела через большое балконное окно:

Прямо у входа в булочную стоял нищий. Старый, слепой... Как же его было жалко! И в одно мгновение перед взглядом доброго ребенка все булки на свете исчезли. Отвернувшись от смеющегося булочника, он остановился перед бедняком. Видя, что тот лишен света и не может понять все по его взгляду, мальчик тихонько вложил монету в его руку и сказал:

– Будь внимателен, господин нищий! На это можно купить булку за 15 су!

Бедный слепой задрожал от радости.

Мать Проспера почувствовала, как у нее на глаза навернулись слезы. Но, поразмыслив, она не подала виду, что догадалась о причине замешательства детей, и больше не говорила о булке. С легкой душой они все легли спать, довольные тем, что на ужин, который прошел уже в сумерках, они получили по куску хлеба, который всегда вкусен, если его сдобрить хорошим поступком.

На другой день снова выглянуло солнце, чтобы утешить и балкон, и город, как будто бы подготавливая их к празднику.

Все садились за стол, собирались завтракать; есть хотелось, казалось, будет что-то вкусное. И вдруг – удивление удвоило аппетит! На столе оказались две огромные булки, точно они упали с неба, будто их принес

sais pas comme le pauvre est riche dans ses prières; car c'est Dieu qui se charge de payer pour lui.

Ce qui vaut de l'or est de l'or.

La poupée monstre

Inès avait une nouvelle poupée. O joie! une poupée toute neuve, avec deux perles pour regarder Inès, deux bras pour les lui tendre nuit et jour, une bouche riante et silencieuse pour ne la contredire jamais. Le premier jour, ce fut entre elles un commerce doux et paisible. On n'entendait que le murmure des baisers d'Inès sur les joues écarlates de sa fille: elle avait déclaré qu'elle voulait être sa mère. Le lendemain, Inès prit une voix grave et sévère. Elle paraissait mécontente de son idole, et sur un certain bruit d'une petite main qui frappe un corps dur, accompagné de ces mots: Allez! allez! allez! la maman d'Inès se montra. Il n'y avait pas à en douter, la poupée avait été fouettée. Sa belle robe rose en désordre l'attestait, dans le coin sombre où elle était en pénitence.

– Que t'a-t-elle fait pour te changer ainsi?

– Maman, dit Inès exaltée, elle est boudeuse, entêtée; oh! maman! c'est un monstre! je lui

ангел, горячими под своим крылом. Как это было радостно видеть!

– Ого, откуда они? Откуда же они, мама?

– Это тот добрый нищий передал их тебе, сынок, – улыбаясь, ответила мать. Ты и не представляешь, насколько бедняк богат своими молитвами; ведь не кто иной, как Бог, заботится о том, чтобы расплачиваться за него.

Все, что стоит золота, золотое.

Кукла-монстр

У Инес появилась новая кукла. Какая радость! Совсем новая кукла: глаза-жемчужинки, чтобы смотреть на Инес, две ручки, чтобы днем и ночью протягивать их к хозяйке, безмолвный улыбочивый ротик, чтобы никогда не перечить ей. Сначала между Инес и игрушечной девочкой царило совершенное и нежное согласие. Можно было слышать, как Инес шепчется с ней, целует в румяные щечки свою новую дочку: малышка объявила всем, что хочет быть ее мамой.

Но на следующий день Инес уже была строгой и важной. Она казалась недовольной своей обожаемой игрушкой. Услышав, как маленькая ручка бьет деревянное тельце со словами: «Вот так! Вот так! Вот так!», мама зашла к Инес. Сомнений не было, кукла была наказана. Чудесное розовое платьице в беспорядке, а сама она была заброшена в темный угол, где отбывала наказание.

donne tout ce que j'ai; eh bien...

– Eh bien! dit sa mère, qu'exiges-tu de plus que le bonheur de lui donner? veux-tu qu'elle ait un cœur et une voix pour te remercier, quand c'est toi qui lui dois de la reconnaissance? Confie-moi ta fille à élever, chère enfant; je t'apprendrai le métier de mère; il est difficile! Crois-tu que ce soit parce que tu es parfaite que je ne peux me résoudre à te fouetter? c'est parce que je t'aime et que je n'exige pas qu'une tête si petite que la tienne comprenne ce que j'ai appris depuis si longtemps. Sois donc pour ta poupée ce que je suis pour toi. La maman d'Inès s'éloigna après l'avoir tendrement embrassée.

Inès demeura au milieu de la chambre, jetant de longs regards vers le coin où la disgraciée lui parut triste; elle s'en approcha de meuble en meuble et lui dit enfin à l'oreille:

– Viens, je t'aime encore. Je n'exige pas qu'une tête si petite que la tienne comprenne ce que j'ai appris depuis si longtemps.

Pour les enfants, chaque parole nouvelle porte un bon ou un mauvais enseignement.

– Что она тебе сделала, что ты к ней так переменялась?

– Мама, – пылко сказала Инес, – она упрямая, вечно недовольная. Мама, это чудовище! Я отдаю ей все, что у меня есть, а она... О!

– Ну что ж, – сказала мама, – чего же ты хочешь, кроме счастья ей все это дарить? Ты хочешь, чтобы у нее было сердце и голос, чтобы благодарить тебя, когда, на самом деле, это ты, ты сама должна быть ей признательна. Отдай мне свою дочку на воспитание, дорогая. Я научу тебя ремеслу матери. Это непростое дело! Ты считаешь, что я не могу решиться отшлепать тебя, потому что ты совершенна? Нет. Я этого не делаю, потому что я люблю тебя. Я не требую, чтобы такая маленькая головка прямо сейчас поняла то, что я поняла давно. Так стань для куклы той, кем я стала для тебя.

Мама нежно объяла Инес и удалилась. А Инес осталась стоять посреди комнаты. Она долго смотрела в тот угол, где лежала несчастная кукла, впавшая в немилость, Инес показалось, что кукле грустно. Инес медленно пошла к ней, останавливаясь то у стула, то у края стола. Наконец она подошла и сказала кукле на ухо:

– Иди сюда, я все еще люблю тебя. Я не требую, чтобы ты поняла то, что я поняла давно.

Для детей всякое новое услышанное слово может обернуться хорошим или дурным советом.

© «Лаборатория художественного слова», семинар МГУ им. М.В. Ломоносова:
перевод с французского

© Е.М. Белавина: редакция перевода

Литература

Деборд-Вальмор, М. Семнадцать сказок Марселины и «Малыш с Елисейских полей». М. Книжный дом «Университет»: сборник сказок на французском и русском языках / под ред. Е. Белавиной. М.: КДУ, «Университетская книга», 2018.

Расин, Ж. Трагедии. / Н.А. Жирмунская, Ю.Б. Корнеев. Новосибирск: Наука, 1977 [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/INOOLD/RASIN/rasin1_05.txt (дата обращения 28.11.2018).

Расин, Ж. Федра. В переводах с французского Валерия Брюсова и Натальи Шаховской // Жан Расин. «Федра». Москва: Аграф, 2016.

Bertrand, M. (1989). Introduction. *Desbordes-Valmore, M. Comtes*. Presses universitaires de Lyon.

Racine, J. (2015). *Phèdre. Tragédie*. Publié par Gwénola, Ernest et Paul Fièvre. Retrieved from: http://www.theatre-classique.fr/pages/pdf/RACINE_PHEBRE.pdf (date of access: 28.11.2018).

References

Bertrand, M. (1989). Introduction. *Desbordes-Valmore, M. Comtes*. Presses universitaires de Lyon.

Desbordes-Valmore, M. (2018). *Semnadsat' skazok Marseliny i "Malysh s Eliseyskikh poley"*. *Moskovskiy Knizhnyy dom "Universitet": sbornik skazok na frantsuzskom i russkom yazykakh* [Seventeen tales by Marceline and "L'enfant des Champs-Élysées". Moscow Book house "Universitet": collection of fairy-tales in French and in Russian]. In E. Belavina (Ed.). Moscow: KDU, "Universitetskaya kniga".

Racine, J. (1977). *Tragedii* [Tragedies]. In N.A. Zhirmunskaya & Yu.B. Korneyev (Eds.). Novosibirsk: Nauka. Retrieved from: http://lib.ru/INOOLD/RASIN/rasin1_05.txt (дата обращения 28.11.2018).

Racine, J. (2015). *Phèdre. Tragédie*. Publié par Gwénola, Ernest et Paul Fièvre. Retrieved from: http://www.theatre-classique.fr/pages/pdf/RACINE_PHEBRE.pdf (date of access: 28.11.2018).

Racine, J. (2016). *Fedra. V perevodakh s frantsuzskogo Valeriya Bryusova i Natal'i Shakhovskoy* [Phèdre. Translated from French by Valeriy Bryusov & Natal'ya Shakhovskaya]. In Racine, J. *Fedra* [Phèdre]. Moscow: Agraf.

TRANSLATION SEMINAR EXPERIENCE: “CREATIVE WORD LABORATORY”

Ekaterina M. Belavina, PhD, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: kat-belavina@yandex.ru.

Abstract. Literary translation is a complex transformation of a work that requires identifying the principles and means of the language organization of the original text in order to involve the addressee in the reading process – the process by which the text produces an aesthetic effect. Often, the features of the text that present the greatest difficulties for translation constitute the artistic value of the author’s style. Working with a text not previously translated into Russian is only possible after students have mastered the course of contrastive grammar of both languages, as well as the course of literary history of the corresponding era. Working on M. Desbordes-Valmore’s tales, never before translated into Russian, together with the students of Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, made it possible to draw attention to some features of the discourse organization of this little-studied author. During two semesters eighteen tales by Marceline Desbordes-Valmore were translated, applying the method of double reading in tandems followed by a collective reading of texts aloud and editing them. This article focuses on hidden quotations and pronouns in addressed speech.

Key words: literary translation, literary translation teaching methods, the French language, French literature, pronoun system, hidden quotations, comparative stylistics, contrastive grammar.

